
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. В. БЕРЕЗКИНА

«...ЕСЛИ ВСТРЕЧУСЬ С ЛАНСКИМ...» (письмо Жуковского к Дельвигу, ноябрь 1825 года)

В 1891 году П. И. Бартнев напечатал в «Русском архиве» следующее письмо В. А. Жуковского к А. А. Дельвигу: «Ваше поручение будет исполнено: при первом случае скажу Карамзину, а если встречу с Ланским, то и сам поговорю ему. Назначьте вечер на будущей неделе и пригласите Гнедича и Плетнева. Явлюсь к Вам и побеседуем. Только предупредьте наперед: когда? Мое почтение Софье Михайловне. Ж.».¹ Письмо сопровождалось кратким примечанием Л. Н. Майкова: «Писано не ранее 30 октября 1825 года — дня свадьбы Дельвига,² и не позже 22 мая 1826 года — дня смерти Карамзина».³ Датировка Майкова базировалась на упоминании Жуковским С. М. Дельвиг, жены Дельвига, и Н. М. Карамзина, и определенные им временные рамки не вызывают сомнений. Однако возникает вопрос: не содержит ли письмо и других сообщений, которые позволили бы и сузить датировку, и дать письму более содержательный комментарий?

В письме речь идет о какой-то просьбе Дельвига к Жуковскому, на которую тот с готовностью откликается, надеясь на посредничество Карамзина — через Ланского.⁴ Кто же сей последний? В Пе-

¹ Русский архив. 1891. № 7. С. 364; подлинник письма неизвестен.

² Жуковский был хорошо осведомлен о всех тревожениях, предшествовавших этой свадьбе, поскольку летом 1825 г., согласно первоначальным планам, именно он должен был выступать на ней (вместе с Е. А. Баратынским) в роли шафера (см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 53).

³ Русский архив. 1891. № 7. С. 364.

⁴ Небольшое письмо Жуковского содержит, по-видимому, два сообщения. То, в котором фигурируют Н. И. Гнедич и П. А. Плетнев (их Жуковский советует Дельвигу пригласить к себе), могло быть связано с «недоимками» по «Северным цветам» на 1826 г., беспокоившими в ноябре 1825 г. издателя этого альманаха (см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы». С. 66); вышедшая вскоре книга содержала в себе стихи и того и другого.

тербурге было немало представителей рода Ланских, с которыми встречался Жуковский, однако в письме к Дельвигу, как мы полагаем, говорится не о тех, кто нам доньше был известен по упоминаниям в записях Жуковского.⁵ В письме, вероятнее всего, речь идет о Василии Сергеевиче Ланском (1754—1831), председателе Комиссии по принятию прошений на высочайшее имя (1819—1828); при Николае I к его должностям было добавлено еще и управление Министерством внутренних дел (1825—1828).⁶ Судя по той легкости, с которой Жуковский пишет о разговоре с ним («...если встречу с Ланским, то и сам поговорю ему...»), имелась в виду встреча именно при дворе. С середины 1825 года Жуковский — наставник великого князя Александра Николаевича. С этого времени в его письмах постоянны упоминания о том, насколько он поглощен своими педагогическими занятиями и чужд чисто светских развлечений (если балы — то лишь придворные). Поэтому легко осуществимая встреча с кем-то из представителей военно-чиновного клана Ланских была возможна для него только во дворце.

По какому же поводу мог понадобиться Жуковскому и Карамзину в конце 1825 года разговор с председателем Комиссии по принятию прошений? Полагаем, это было дело сосланного в Михайловское Пушкина. Известно, что его мать Н. О. Пушкина подавала прошение Александру I в 1825 году дважды. Первым было написанное в Петербурге прошение от 6 мая 1825 года, в котором она просила разрешить своему сыну выехать из Михайловского для лечения аневризма. Полученное в ответ предписание И. И. Дибича, начальника Главного штаба (туда было передано прошение из комиссии), лечиться во Пскове встретило со стороны Пушкина резко негативное отношение, и Надежда Осиповна, по совету друзей, решила «передоложить» свою просьбу. На ее втором прошении к Александру I стоит дата 27 ноября 1825 года; прошение сопровожда-

⁵ См. в Указателе имен к дневникам и записным книжкам Жуковского упоминания Ланских: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. С. 648 — с ошибкой в имени мужа В. И. Ланской (1794—1844): им был не Степан Степанович, а Сергей Степанович (1782—1862); в целом же, поскольку в этом месте Указателя речь идет о московской записи Жуковского от 17 апреля 1818 г. «К Ланским» (Там же. Т. 13. С. 129), можно заключить, что имена тех, к кому он в этот день ездил, остаются неизвестны; в комментарии к записи они не раскрываются (Там же. С. 487), поэтому основания для выбора четы именно С. С. и В. И. Ланских в Указателе неясны. С кем-то из Ланских Жуковский мог встречаться и у кн. В. Ф. Одоевского, женатого на Ольге Степановне Ланской; однако свадьба их состоялась в 1826 г., к тому же дружеские отношения Жуковского с Одоевским начали развиваться примерно с 1829 г.

⁶ Высшие чины Российской империи (22.10.1721—2.03.1917) / Сост. Е. Л. Потемкин. М., 2017. Т. 2. С. 236.

лось письмом Н. О. Пушкиной к И. И. Дибичу, от того же числа, с просьбой разрешить ей повторно подать «прошение его императорскому величеству»; она объясняла это тем, что ее сыну не была оказана помощь во Пскове, поскольку болезнь оказалась «слишком запущена»; прошение и письмо были отправлены из Москвы.⁷ Можно предположить, что разговор Жуковского и Карамзина с Ланским должен был предвратить получение этих писем в Петербурге. То, что и перед подачей первого прошения шло оживленное обсуждение прошения матери с друзьями Пушкина, свидетельствуют письма 1825 года в Михайловское Жуковского, из которых становится ясно, что он знал о содержании этого прошения. Обращение к высшей власти всегда требовало самого взвешенного подхода, поэтому неудивительно, что родственно-дружеский круг Пушкина был вовлечен в это дело.

Итак, письмо к Дельвигу, извещавшее о намерении Жуковского поговорить с Ланским и упоминавшее в связи с этим письмо Карамзина, можно датировать ноябрем (не позднее 27-го) 1825 года. Это письмо ценно для нас не только как еще одно доказательство горячего участия Жуковского и Карамзина в судьбе сосланного Пушкина, но и как документ, связанный с историей второго прошения Н. О. Пушкиной. По роковому стечению обстоятельств, дата под ним совпала с днем получения в Петербурге известия о смерти Александра I. Далее была перемена царствования, затем бунт 14 декабря 1825 года и следствие над его участниками. Вся история с освобождением Пушкина из Михайловского приняла иной характер, и прошение Надежды Осиповны потеряло свою актуальность. К середине апреля 1826 года Жуковский знал о результатах всего следствия по делу декабристов от Д. Н. Блудова, которому было поручено составление доклада императору о работе Следственной комиссии (10 мая 1826 года доклад в полном виде был представлен Николаю I; далее шли доработки и сокращения доклада ввиду предстоящего обнародования; опубл. 12 июня 1826 г.). Поэтому утверждение Жуковского в письме к Пушкину от 12 апреля 1826 года о том, что «в бумагах каждого из действовавших находятся стихи» его (XIII, 271), было свидетельством человека, имевшего ясное представление о собранных комиссией фактах.⁸

⁷ См.: Шнейдер А. Е. Письма Надежды Осиповны Пушкиной (автографы, обнаруженные в ЦГВИА СССР) // Советские архивы. 1977. № 2. С. 86 (подл. по-франц.).

⁸ Знание результатов следствия отразилось и в письмах Жуковского к А. П. Елагиной, хлопотавшей перед ним за Г. С. Батенькова. Сначала он с сочувствием отнесся к ее просьбам (январь—февраль 1826 г.), но затем, узнав, по-

События вокруг 14 декабря 1825 года объясняют историю второго прошения матери поэта. По сообщению А. Е. Шнейдера, опубликовавшего прошение и связанную с ним межведомственную переписку, оно дошло до И. И. Дибича и было, как он считает, доложено Николаю I.⁹ Здесь нужно упомянуть и о третьем прошении Надежды Осиповны, которое поступило в комиссию 31 августа 1826 года (то есть во время коронационных торжеств). П. А. Вяземский утверждал, что оно было написано им летом 1826 года;¹⁰ в нем мать просила уже не о поездке для излечения болезни, а о даровании сыну прощания.¹¹ Сравним сроки прохождения по инстанциям первого и третьего прошений Н. О. Пушкиной. Первое было подано 6 мая 1825 года, а уже 11 июня началась переписка по поводу А. С. Пушкина между канцелярией Главного штаба и Министерством иностранных дел (чиновником его поэт был до исключения из службы). Ответ Надежде Осиповне дал Дибич 26 июня 1825 года. А вот крайние даты прохождения по инстанции третьего ее прошения: 31 августа 1826 года — 4 января 1827 года (запись в журнале Комиссии прошений) — 30 января 1826 года (доклад Николаю I).¹² Можно предположить, что оно двигалось по естественному ходу дел в комиссии, то есть без протекции. Что же касается первого прошения, то оно могло продвигаться столь быстро благодаря чьему-то воздействию — возможно, того же В. С. Лан-

видимому, о показаниях, раскрывавших важную роль, которая предназначалась Батенькову во Временном правительстве после свержения царя, стал отмалчиваться. 20—26 апреля (то есть примерно тогда же, когда было написано и письмо к Пушкину), а затем — еще откровеннее, поскольку письмо посылалось с оказией, — 7—8 мая 1826 г. Жуковский написал Елагиной о наказании, которое ожидало друга ее семьи. Таким образом, Жуковский примерно с марта был хорошо осведомлен о ходе следствия над декабристами, а в апреле имел уже исчерпывающие сведения о его результатах. См.: Русские пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы. М., 1916. Т. 2. С. 31; *Сабуров А. А. Декабрист Г. С. Батеньков // Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля.* М., 1936. С. 37—42; Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852 / Сост., подгот. текста и коммент. Э. М. Жиликовой. М., 2009. С. 281—289; приведенные в наст. примеч. даты писем Жуковского к Елагиной и сведения о них основаны на указанных изданиях (прежде всего, на «Переписке...»), но даны с нашими уточнениями.

⁹ Шнейдер А. Е. Письма Надежды Осиповны Пушкиной... С. 84.

¹⁰ Русский архив. 1879. № 8. С. 470—471; перепечатано: *Бартенев П. И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников.* М., 1992. С. 284. Воспоминания Вяземского подтверждаются записью в журнале заседаний Комиссии прошений, где отмечается, что прошение поступило «из Ревеля» (именно там проводили лето 1826 г. Вяземские и Пушкины, отец и мать с дочерью).

¹¹ *Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского.* М.; Л., 1928. Т. 2. С. 175.

¹² Там же.

ского, о котором с такой легкостью упомянул в письме к Дельвигу Жуковский.

Эти обстоятельства объясняют и ту степень негодования по поводу реакции поэта на ответ Дибича, которую единодушно выразили Вяземский и Жуковский в своих письмах к нему (см. письмо Вяземского от 28 августа — 6 сентября 1825 года — XIII, 220—224; письмо Жуковского от второй половины (не позднее 23-го) сентября 1825 года — XIII, 230). В этих письмах усматривается не только тревога по поводу здоровья Пушкина, но и возмущение нежеланием его оценить хлопоты друзей, и в первую очередь Жуковского, связанные с первым прошением матери. Тем более что о желании Пушкина бежать из России (в частности, под предлогом поездки для лечения аневризма) Жуковский был предупрежден уже давно благодаря письму к нему П. А. Осиповой от 22 ноября 1824 года.¹³

Впоследствии, касаясь событий, связанных с 14 декабря, Пушкин использовал в своих стихах образы чудесного спасения в страшной буре и «таинственного щита» в виде Провидения («Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной», «Арион», «...Вновь я посетил...»). Второе прошение матери, если смотреть на него с позиций последекабрьской эпохи, имеет на себе отблеск той же образности. Намерение Жуковского способствовать его продвижению через Ланское натолкнулось на страшную преграду, перед которой самым лучшим убежищем для поэта оказывалось Михайловское. Неизвестно, успели ли Жуковский и Карамзин замолвить слово перед Ланским о новом прошении Пушкиной до известия о смерти Александра I. Но может быть, именно к самым первым дням после воцарения Николая I и к той самой задаче, которая диктовалась продвижением второго прошения, относится следующее свидетельство нидерландского дипломата И.-К. Геверса: «...по настоятельным просьбам историографа Карамзина, преданного друга Пушкина и настоящего ценителя его таланта, император Николай, взойдя на трон, призвал поэта».¹⁴ Разговор Жуковского с Карамзиным о поэте в ноябре 1825 года не был бесплодным, но он не мог повлиять на продвижение второго прошения Н. О. Пушкиной из-за надвигавшихся катастрофических событий.

¹³ «Если вы думаете, что воздух и солнце Франции или близлежащих к ней, через Альпы, земель, полезен для русских орлов, — и оный не будет вреден нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вечною тайною. Когда же вы другого мнения, то подумайте, как предупредить отлет» (*Б<артнев> П.* Два письма П. А. Осиповой к В. А. Жуковскому // Русский архив. 1872. № 12. Стб. 2361).

¹⁴ *Эйдельман Н. Я.* Секретное донесение Геверса о Пушкине // *Временник Пушкинской комиссии.* 1971. Л., 1973. С. 16.